

А. А. Шилов^{а)}, М. Н. Узяков^{б)}, Е. С. Узякова^{в)}^{а, б, в)} Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, г. Москва, Российская Федерация^{а)} <https://orcid.org/0000-0003-0806-9777>, e-mail: schir@ecfor.ru^{б)} <https://orcid.org/0000-0003-3452-7188>^{в)} <https://orcid.org/0000-0003-3773-9725>

Перераспределение первичных доходов населения как фактор снижения неравенства и ускорения экономического роста на региональном уровне¹

Имеющиеся разрывы в уровне доходов населения являются существенным ограничением развития регионов и экономики в целом. Вместе с тем высокий потенциал ускорения экономического роста за счет использования потребительского спроса делает актуальным изучение механизмов активного задействования этого фактора экономической динамики, в том числе за счет политики перераспределения имеющихся ресурсов. В статье рассматривались вопросы макроэкономической эффективности перераспределения первичных доходов² домашних хозяйств на региональном уровне. Предметом исследования являлось региональное распределение общего объема денежных доходов населения по 20-процентным доходным группам, исходные данные — статистика Росстата. В качестве важнейшего фактора повышения динамики потребительского спроса рассматривается перераспределение доходов населения через дифференциацию ставок подоходного налога (в расчете используется приращение ставки НДФЛ на 12 п. п. (до 25 %) для 5-й доходной группы). Целью исследования являлась оценка возможного влияния такого перераспределения на снижение уровня дифференциации по доходам населения и экономическую динамику в разрезе страны и отдельных регионов. С использованием методов математического анализа, межотраслевого и межрегионального моделирования был оценен потенциал роста ВРП за счет увеличения объемов социальной поддержки наименее доходных групп населения. В результате прирост потребительских расходов в условиях 2019 г. в целом по экономике мог бы составить +5,2 %, а увеличение суммарного ВРП — +2,7 %. При этом соотношение максимального и минимального регионального уровня душевого дохода снизилось бы с 5 до 4 раз, соотношение душевого ВРП (без учета межрегиональной дифференциации цен) сократилось с 61,8 раза до 56,7 раза (максимальный / минимальный уровень). Результаты расчетов рассматриваются как предварительная оценка возможностей преодоления ограничений регионального развития, обусловленных низким уровнем доходов населения и их значительной дифференциацией, позволяющая перейти к более подробным исследованиям, предполагающим выработку практических системных решений в области экономической политики.

Ключевые слова: региональное развитие, экономический рост, доходы населения, дифференциация доходов, перераспределение доходов, подоходный налог

Благодарность

Статья подготовлена в рамках выполнения гранта, предоставленного в форме субсидии на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития в рамках подпрограммы «Фундаментальные научные исследования для долгосрочного развития и обеспечения конкурентоспособности общества и государства» государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», проект «Социально-экономическое развитие Азиатской России на основе синергии транспортной доступности, системных знаний о природно-ресурсном потенциале, расширяющегося пространства межрегиональных взаимодействий», номер соглашения с Министерством науки и высшего образования Российской Федерации № 075-15-2020-804 (внутренний номер гранта № 13.1902.21.0016).

Для цитирования: Шилов А. А., Узяков М. Н., Узякова Е. С. Перераспределение первичных доходов населения как фактор снижения неравенства и ускорения экономического роста на региональном уровне // Экономика региона. 2022. Т. 18, вып. 2. С. 423-436. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-2-9>.

¹ © Шилов А. А., Узяков М. Н., Узякова Е. С. Текст. 2022.

² Первичные доходы в логике Системы национальных счетов — это доходы, получаемые институциональными единицами в процессе производства и управления активами.

Alexander A. Shirov ^{a)}, Marat N. Uzyakov ^{b)}, Elena S. Uzyakova ^{c)}

^{a, b, c)} Institute of Economic Forecasting of RAS, Moscow, Russian Federation

^{a)} <https://orcid.org/0000-0003-0806-9777>, e-mail: schirov-mse@yandex.ru

^{b)} <https://orcid.org/0000-0003-3452-7188>

^{c)} <https://orcid.org/0000-0003-3773-9725>

Redistribution of Primary Household Incomes as a Factor for Reducing Inequality and Accelerating Economic Growth at the Regional Level

The existing income gaps significantly limit the regional and economic development. At the same time, the high economic growth potential due to the use of consumer demand necessitates the examination of the intensification of this factor of economic dynamics, including through the resource allocation policy. The article considers the macroeconomic efficiency of the redistribution of primary household incomes at the regional level. Regional distribution of the total income of the population by income quintile groups, as well as the average per capita income were analysed based on the data obtained from the Federal State Statistics Service. The redistribution of primary incomes through the differentiation of tax rates is considered the most important factor in increasing the dynamics of consumer demand (an increment of the personal income tax by 12 percentage points (up to 25 %) for the fifth quintile group is used in the calculations). The study aims to assess the possible impact of such redistribution on the income inequality and economic dynamics of Russia and its regions. The potential for gross regional product (GRP) growth resulting from an increase in social support for the least income groups was estimated using the methods of mathematical analysis, multisectoral and interregional modelling. The calculations show that an increase in consumer spending in 2019 in the economy as a whole could have amounted to +5.2 %; the estimate of the increase in total GRP was +2.7 %. Simultaneously, the ratio of the maximum and minimum regional per capita income decreased from 5 to 4 times, while the ratio of per capita GRP (excluding interregional price differentiation) decreased from 61.8 to 56.7 times (maximum/minimum level). The calculation results can be considered the first assessment of the possibilities of overcoming the limitations of regional development caused by low incomes and their significant differentiation. Future detailed studies should focus on developing comprehensive solutions in the field of economic policy.

Keywords: regional development, economic growth, personal income, income differentiation, income redistribution, income tax

Acknowledgments

The article has been prepared with the support of the grant in the form of a subsidy for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development under the subprogram «Fundamental scientific research for long-term development and ensuring the competitiveness of society and the state» of the state program of the Russian Federation «Scientific and Technological Development of the Russian Federation», the project «Social and economic development of Asian Russia on the basis of synergy of transport accessibility, system knowledge of natural resource potential, and expanding area of interregional interactions», agreement with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 075-15-2020-804 (internal grant No. 13.1902.21.0016).

For citation: Shirov, A. A., Uzyakov, M. N. & Uzyakova, E. S. (2022). Redistribution of Primary Household Incomes as a Factor for Reducing Inequality and Accelerating Economic Growth at the Regional Level. *Ekonomika regiona [Economy of regions]*, 18(2), 423-436, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-2-9>.

Введение

Самое простое и, может быть, наиболее выразительное впечатление о характере неравенства в стране связано с обычными визуальными наблюдениями за изменениями в столичных городах и в сельской местности, в том числе в непосредственной близости от столиц. По мере удаления от столичных мегаполисов или крупных агломераций эти контрасты становятся все более отчетливыми. Аналогичное визуальное сравнение характера и качества застройки сельской местности в России и в странах Европы говорит

о том, что усилия по снижению неравенства и обустройству всего пространства России совершенно недостаточны.

При этом количественные характеристики неравенства в России не позволяют сделать столь же однозначную качественную оценку состояния неравенства в стране. С одной стороны, в терминах распространенного в странах ОЭСР децильного коэффициента дифференциации (P90/P10) уровень неравенства в России не выглядит слишком высоким. Его величина для России оценивается в 4,6 в 2016 г. при среднем для стран ОЭСР

значении на уровне 4,4¹. В то же время близкий по смыслу к этому показателю коэффициент фондов², используемый в России, уже достаточно высок (выше, чем в Германии, Великобритании, Канаде и Китае) и продолжает увеличиваться: за период с 1995 г. по 2019 г. коэффициент вырос с 13,5 раза до 15,4 раза³. По некоторым оценкам (Суворов, 2008; Piketty, 2014), дифференциация может быть еще более высокой, принимая во внимание ограниченное представление групп с высокими и сверхвысокими доходами в выборочных обследованиях Росстата.

В целом следует исходить из того, что высокий уровень неравенства сдерживает потребительский спрос и ухудшает его качественные характеристики, что является одним из очевидных ограничений развития российской экономики. Полностью устранить негативное влияние этого фактора на экономическое развитие, по-видимому, невозможно, но реализация специальных мер экономической политики в этой области необходима. В связи с этим высокую актуальность имеют исследования, связанные с получением количественных оценок макроэкономической эффективности мер экономической политики, направленной на снижение уровня дифференциации доходов.

Теория

Изменение неравенства во времени и взаимосвязь неравенства с экономическим ростом достаточно широко исследованы в экономических и социальных науках (Иванов, Суворов, 2012; Лисоволик, 2016; Любимов, 2016; Меркулова, 2009; Barro, 2000; Bigsten, Levin, 2001; Kuznets, 1995; Piketty, 2014; Rajan, Zingales, 2004).

В работе С. Кузнецца (Kuznets, 1995) была выдвинута гипотеза о том, что экономический рост в долгосрочной перспективе снижает неравенство, что обусловлено влиянием процесса индустриализации. Однако со временем выяснилось, что эта гипотеза имеет ограниченное подтверждение (Ahluwalia, Carter, 1976;

Savvides, Stengos, 2000), особенно для развивающихся стран (Любимов, 2016). В других работах (Меркулова, 2009) утверждается, что экономический рост — необходимое, но не достаточное условие для снижения уровня неравенства в стране. Однозначно можно сказать лишь, что экономический рост сокращает абсолютную бедность (Ravallion, Lyn, 1996; Rigolini, Arias, 2002).

Проблемы неравенства населения и дифференциации по доходам и уровню жизни в России в последнее время находятся в центре общественно-экономических и политических дискуссий (Иванов, Суворов, 2012; Капелюшников, 2019; Лисоволик, 2016). Президент страны В.В. Путин регулярно в своих выступлениях обращается к проблемам уровня жизни и бедности.

Особенность современного этапа борьбы с бедностью в Российской Федерации состоит в том, что реализуемые и предлагаемые меры по-прежнему имеют ограниченный локальный характер. Достаточно сказать, что уровень бедности⁴ в России, по данным Росстата, с 2010 г. по 2020 г. практически не изменился (12,5 % и 12,1 % соответственно).

Принятие закона о повышении ставки НДФЛ⁵, по сути, свидетельствует о том, что в обществе зреет понимание, что проблема неравенства в стране имеет комплексный характер и требует не только точечных мер по снижению уровня бедности, но также системных решений.

В этой связи актуальной задачей является исследование потенциала уменьшения дифференциации доходов населения, реализуемого с помощью инструментов налоговой политики.

Мировая практика показывает, что системные решения по перераспределению первичных доходов способны приводить к существенным результатам. Так, в частности, для США коэффициент Джинни⁶ составлял в 2017 г. 0,39⁷, а с учетом всех перераспределитель-

⁴ Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, % от общей численности населения.

⁵ С 1 января 2021 г. вступил в силу закон о повышении ставки налога на доходы физических лиц, превышающие 5 млн руб. в год, с 13 % до 15 %.

⁶ Коэффициент Джинни — статистический показатель, характеризующий расслоение общества по какому-либо признаку, используется, как правило, для оценки экономического неравенства и изменяется от 0 до 1. Чем больше его значение отклоняется от нуля и приближается к единице, тем в большей степени доходы сконцентрированы в руках отдельных групп населения.

⁷ База данных OECD, <https://data.oecd.org/inequality/income-inequality.htm>.

¹ Методология и база данных OECD (<https://data.oecd.org/inequality/income-inequality.htm>)

² Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов) характеризует степень социального расслоения и определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10 % населения с самыми высокими доходами и 10 % населения с самыми низкими доходами.

³ Росстат, справочник «Регионы России. Социально-экономические показатели» за ряд лет, https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm.

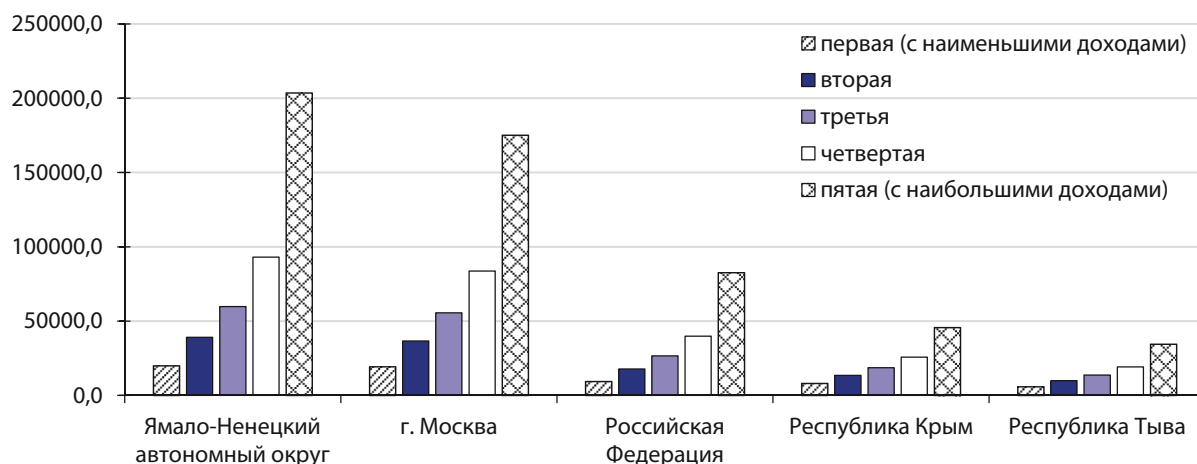

Рис. 1. Среднедушевой денежный доход по 20-процентным группам населения в 2019 г., руб. на чел. в месяц (источник: Росстат)

Fig. 1. Average per capita income for quintile groups in 2019, roubles per person per month

ных программ, трансфертов и налогов — 0,23¹ (Капелюшников, 2019), тогда как в России в 2019 г. он составлял 0,41.

Россия находится в самом начале пути создания современной системы социальной поддержки населения и перераспределения первичных доходов. При этом важно понимать, как эти изменения смогут повлиять на социальное развитие общества, на экономический рост в России, в том числе в региональном разрезе.

Межрегиональная дифференциация в России является острой экономической и социальной проблемой, которой в последнее время уделяется много внимания (Земцов, Смелов, 2018; Зубаревич, 2010; Михеева, 2018; Михеева, 2021; Социальная политика..., 2021; Coulibaly, Deichmann, 2009).

В научных публикациях, посвященных этой тематике, отмечается чрезвычайно высокий уровень различий между российскими регионами по таким показателям, как душевой ВРП, доходы, уровень обеспеченности транспортной и социальной инфраструктурой, инвестиционная активность и другие (Зубаревич, 2010; Суворов, Болдов, 2020).

Например, в Ненецком автономном округе коэффициент фондов в 2019 г. равнялся 18,5 раза. Даже при рассмотрении 20-процентных доходных групп разница по регионам между наибольшей (Ямало-Ненецкий АО) и наименьшей (Республика Тыва) величиной среднедушевого денежного дохода для V-й группы населения составляла почти 6 раз (рис. 1).

Если на уровне субъектов Федерации разрыв между максимальным и минималь-

ным уровнем душевого ВРП, с учетом межрегиональной дифференциации цен, достигал в 2018 г. 40,1 раза (Ненецкий автономный округ и Республика Ингушетия), то на уровне федеральных округов разрыв снижается до 5,1 (Социальная политика..., 2021).

В европейских странах аналогичные разрывы составляли в 2018 г. от 2,3 раза в Германии, до 3,2 раза в Польше (Социальная политика..., 2021).

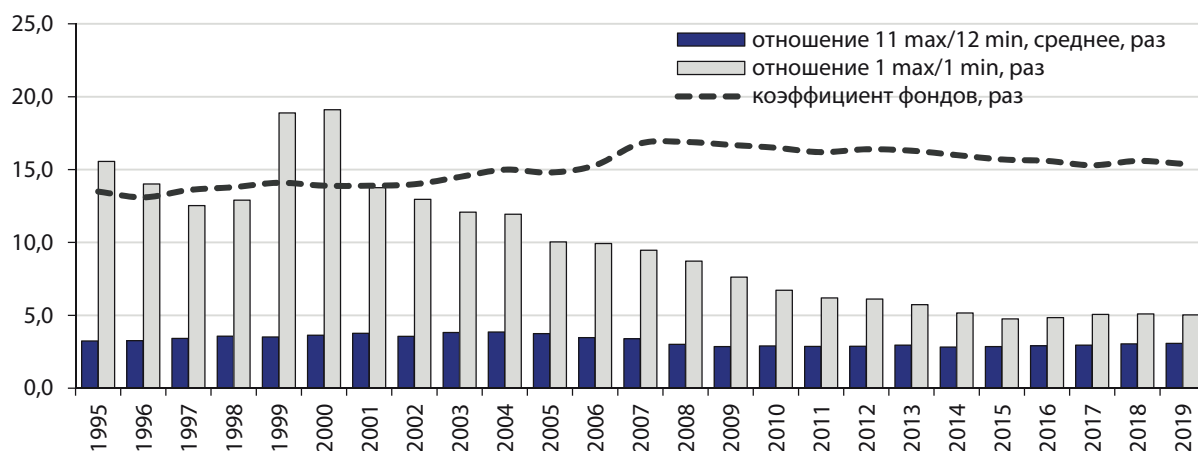
Важно иметь в виду, что сами количественные оценки различий между регионами в различных странах не всегда сопоставимы и репрезентативны в силу, в первую очередь, масштаба стран и регионов. Динамика межрегиональной дифференциации также не всегда очевидна. Так, с середины 1990-х гг. и до 2015 г. фиксируется довольно существенное (более чем в 3 раза с учетом разницы в ценах) сокращение межрегиональной дифференциации доходов (Социальная политика..., 2021). Между тем, во многом это было эффектом чрезвычайно низкого в 1990-х гг. уровня доходов в ряде регионов. При этом соотношение среднедушевых доходов для группы наиболее высокодоходных регионов² и группы регионов с наименьшими доходами³ уже не показывает

² К высокодоходным регионам будем относить 11 регионов: Ямало-Ненецкий автономный округ, Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, город Москва, Магаданская область, Сахалинская область, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Камчатский край, Город Санкт-Петербург, Московская область, Республика Саха (Якутия).

³ К низкодоходным регионам будем относить 12 регионов: Республика Калмыкия, Республика Крым (после 2015 г.), Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика

¹ Оценка для 2016 г., по располагаемым доходам.

Рис. 2. Отношение максимального и минимального среднедушевого дохода по регионам РФ и коэффициент фондов (источник: Росстат, расчеты авторов)

Fig. 2. The ratio of the maximum and minimum average per capita income by regions of the Russian Federation and R/P 10 % ratio

столь существенного снижения межрегиональной дифференциации, при этом сам период снижения межрегиональной дифференциации охватывает лишь 5 лет: с 2004 г. по 2009 г. (рис. 2).

Как следует из результатов работ (Михеева, 2021; Социальная политика..., 2021) главными факторами снижения межрегиональной дифференциации доходов являются экономический рост и повышение реальных доходов населения. Однако изменение дифференциации доходов далеко не всегда коррелировало с соответствующим изменением дифференциации душевого ВРП (Экономико-географические..., 2007). Например, с 2004 г. по 2018 г. дифференциация душевого ВРП, рассчитанная для группы высокодоходных регионов по отношению к низкодоходным, возросла с 5 раз до 7,8 раза, одновременно за этот же период дифференциация по доходам снизилась с 3,9 раза до 3 раз.

Россия в основной своей части остается страной с достаточно низким уровнем доходов и, в этой связи, усилия именно по борьбе с бедностью обеспечивали на определенном этапе некоторые приращения в снижении межрегиональной дифференциации доходов.

Ситуацию с дифференциацией доходов в России, на наш взгляд, уместно анализировать в терминах концепции безусловного базового дохода, которая апеллирует к принципам выравнивания базовых возможностей населения. Она, как известно, опирается на идею равенства всех людей от рождения и стремление обеспечить им равные стартовые усло-

вия. При этом речь не идет о том, чтобы гарантировать всем полное и всеобщее равенство. Речь идет о гарантировании некоторых базовых потребностей, таких как потребность в еде, одежде, жилище.

Однако лишь достаточно богатые страны могут теоретически позволить себе в полной мере реализовать этот замысел. Это означает, что из «безусловного» базовый доход во многих относительно небогатых странах превращается нечто весьма условное, зависящее, в первую очередь, от уровня среднего дохода. Тем не менее, мы склонны считать, что всякое движение в сторону снижения уровня дифференциации доходов, реализуемое через систему выделения населению выравнивающей величины дохода или иных гарантированных выплат, является в определенной степени реализацией идеологии безусловного базового дохода.

Российская экономика, выросшая из советской патерналистской системы, отчасти сохранила ее черты и тот негласный общественный договор между населением и властью, который предполагает пусть скромный, но гарантированный достаток, наряду с достаточно широким набором социальных благ. В то же время, следует отметить, что в его рамках создаются определенные ограничения экономического роста, поскольку, по сути, такой общественный договор консервирует разделение населения в России на небольшую часть очень богатых и значительную часть — не очень бедных.

Уровень доходов у значительной части российского населения остается все еще крайне низким для того, чтобы перейти на качественно иной уровень благосостояния или начать собственное дело. В этом смысле уже достигнутая

Марий Эл, Республика Мордовия, Курганская область, Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Хакасия, Еврейская автономная область.

цель развития Китая — построение общества среднего уровня зажиточности — в определенном смысле могла бы подойти для сегодняшней России. В то же время если в Китае достижение этой цели, предполагавшей, в частности, создание обширного среднего класса, опиралось на высокие темпы экономического роста, то в России в последние годы даже цель 3,5 % роста в год остается нереализованной.

Все большее число экспертов (Иванов, Суворов, 2012; Лисоволик, 2016; Меркулова, 2009; Bigsten, Levin, 2001; Rajan, Zingales, 2004) склоняются к тому, что именно неравенство является одним из ключевых факторов, тормозящих современное экономическое развитие. По оценкам экономистов МВФ, повышение на 1 процентный пункт доли доходов населения с низким и средним уровнем в течение пяти лет приводит к ускорению экономического роста на 0,4 процентных пункта, при этом такой же рост доли доходов наиболее обеспеченной части населения приводит к снижению темпов роста ВВП почти на 0,1 процентных пункта (Лисоволик, 2016).

Перераспределительные возможности бюджетной системы, работавшие в 2000–2015 гг. на снижение межрегионального неравенства и также на снижение остроты проблемы бедности, практически исчерпаны, и определенное повышение межрегиональной дифференциации является тому подтверждением. В то же время имеется достаточно оснований утверждать, что перераспределительные возможности экономики в целом еще достаточно велики.

В этой связи вполне уместно вернуться к вопросам перераспределения доходов, порождаемых экономикой, в том числе в рамках концепции безусловного базового дохода.

Конечно, остается открытым вопрос о том, какую систему мотиваций формирует реализация принципов безусловного базового дохода или его элементов и как это сказывается на долгосрочном развитии. Но не вызывает сомнения, что в кратко- и среднесрочной перспективе их использование ведет к повышению степени экономической свободы населения, снижению общего уровня неравенства и, как правило, к увеличению текущего спроса населения.

Очевидно, что первым и, видимо, наиболее значимым ресурсом перераспределения являются доходы населения. Следующим структурным источником не столько снижения неравенства, сколько повышения темпов экономического роста является валовая прибыль экономики.

Материалы и методы

Одна из главных задач макроэкономической политики состоит в том, чтобы сформировать условия, при которых доходы экономики работают на экономический рост. Мы видим, что сейчас огромная часть доходов экономики России обращается за пределами внутреннего производственного контура. В частности, по этой причине экономика России в последние десять лет демонстрирует низкие темпы экономического роста. Для того, чтобы доходы работали на рост, важно канализировать их к тем субъектам рынка, которые заинтересованы в экономическом росте. В этой связи уместно вспомнить, что наиболее обеспеченные слои населения России ориентируются преимущественно на импортную продукцию и услуги. При этом значительная часть их сбережений является одним из источников вывоза капитала.

Макроэкономическая оценка последствий перераспределения доходов населения (в рамках 20-процентных доходных групп) за счет существенного повышения ставки НДФЛ для 5-й наиболее обеспеченной группы населения была получена в (Посткризисное восстановление..., 2020). При этом предполагалось, что дополнительные налоговые поступления от увеличения поступлений НДФЛ распределяются между представителями первых четырех групп по уравнительному принципу. Влияние увеличения ставки на экономический рост оценивалось с использованием межотраслевого инструментария с учетом доли импорта товаров в потреблении разных доходных групп.

По расчетам (Посткризисное восстановление..., 2020) потенциал прироста ВВП от предлагаемого перераспределения доходов составляет, как минимум, 2 %. Если повысить налоговую ставку (для 5-й доходной группы) с 13 % до 25 % это обеспечит, при прочих равных условиях, прирост ВВП в 2,2 %; ставка на уровне 30 % дает более 3,0 % прироста ВВП.

При всей важности макроэкономических условий и предпосылок роста, таких как инфляция, цена нефти, ставка Центробанка, уровень бюджетного дефицита, а также налоговых ставок, имеется достаточно оснований утверждать, что экономический рост в значительной степени зависит от реализации инвестиционных проектов, ориентированных не только на решение крупных задач, но и на спрос населения, который зарождается в том или ином регионе страны.

Количество крупных инвестиционных проектов весьма ограничено, и они не могут вы-

Таблица 1

Среднедушевой денежный доход по доходным группам в регионах — представителях федеральных округов (регионы с нижним, средним и верхним уровнем дохода)

Table 1

Average per capita income for quintile groups in the regions presenting federal districts (lower, middle and upper income regions)

Регион	Доходы в месяц, руб. на чел. (2019 г.) по группам				
	первая	вторая	третья	четвертая	пятая
Российская Федерация	9340,5	17 799,7	26 611,5	39 829,1	82 654,2
<i>Центральный федеральный округ</i>					
Костромская область	8976,2	15 171,0	21 113,0	29 204,2	51 960,7
Московская область	13 688,3	24 780,5	36 580,8	53 809,1	107 146,3
г. Москва	19 253,8	36 656,2	55 539,8	83 679,9	175 135,3
<i>Северо-Западный федеральный округ</i>					
Ненецкий автономный округ	19 449,8	38 089,3	58 754,7	90 765,9	198 145,2
Псковская область	8678,2	14 803,9	20 929,7	29 352,6	53 855,6
г. Санкт-Петербург	12 735,6	24 056,2	35 848,4	53 536,8	109 667,9
<i>Южный федеральный округ</i>					
Республика Калмыкия	6662,9	11 104,8	15 454,2	21 376,7	37 941,4
Краснодарский край	9988,4	18 550,0	27 289,8	40 488,9	82 047,9
Астраханская область	8240,4	14 233,5	20 226,5	28 716,7	53 437,9
<i>Северо-Кавказский федеральный округ</i>					
Республика Дагестан	7811,3	14 389,2	21 241,2	31 245,1	62 353,2
Карачаево-Черкесская Республика	6587,4	11 198,5	15 527,3	21 738,3	39 053,6
Ставропольский край	7675,3	13 523,1	19 371,0	27 899,1	53 361,5
<i>Приволжский федеральный округ</i>					
Республика Мордовия	6813,1	11 651,3	16 292,1	22 808,9	41 174,6
Республика Татарстан	10 176,5	18 567,6	27 494,4	40 527,4	81 769,0
Самарская область	8973,4	16 034,4	23 242,6	33 687,0	65 167,5
<i>Уральский федеральный округ</i>					
Курганская область	7243,4	12 356,3	17 469,3	24 499,6	44 951,4
Свердловская область	10 750,9	19 937,9	29 711,4	44 371,7	90 698,1
Ямало-Ненецкий автономный округ	19 941,1	39 051,4	59 823,4	93 058,6	203 565,6
<i>Сибирский федеральный округ</i>					
Республика Тыва	5804,1	9866,9	13 681,0	19 153,4	34 409,7
Красноярский край	9204,3	16 821,7	24 756,4	36 182,5	71 730,1
Кемеровская область	8461,2	14 558,3	20 406,5	28 618,9	52 385,0
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>					
Хабаровский край	12 437,7	22 387,9	32 545,3	47 470,6	92 453,6
Сахалинская область	15 343,9	29 212,4	43 966,2	66 391,9	140 160,6
Еврейская автономная область	9443,7	15 961,2	22 079,7	30 725,3	54 800,1

Источник: Росстат, расчеты авторов.

ступать в качестве ключевого фактора снижения межрегиональной дифференциации. Мы видим, что несмотря на наращивание объемов финансирования таких проектов, значительное число российских регионов ими в должной мере не охвачено и имеет крайне низкие темпы экономического роста. За период 2011–2018 гг. более 20 регионов имели среднегодовые темпы роста ниже 1,5 % в год.

В этих условиях важно обеспечить ускорение общей экономической активности на региональном уровне, причем совсем не обязательно, чтобы она опиралась на экспортоори-

ентированные проекты и проекты высокого технологического уровня. Ориентация на внутренний спрос, в том числе на спрос внутри регионов, должна превратиться в главный движитель регионального экономического развития (Басарева, Михеева, 2017). Позитивный опыт столичных городов показывает, что усилия по воспроизводству на новом уровне городской жилой среды, повышение качества транспортно-логистической, торговой и социальной инфраструктуры могут стать важными драйверами экономического развития города и региона.

Спрос на жилье и сопутствующие товары является важнейшим драйвером регионального развития, связывающим инвестиционную и потребительскую активность. Однако во многих регионах крайне слабо работает такой мультипликатор спроса домашних хозяйств, как кредиты, в первую очередь, ипотечные. При современном уровне доходов и сложившейся на сегодня дифференциации доходов ставить перед собой задачу строительства жилья могут в основном представители 4-й и 5-й доходных групп.

Увеличение доходов в низкодходных группах населения в результате перераспределительного маневра может существенно нарастить масштабы платежеспособного спроса на региональных рынках потребительских товаров и жилья. Поэтому даже грубая оценка такого рода приращения спроса может быть полезна в рамках формирования макроэкономических и региональных сценариев развития нашей экономики.

В то же время, прежде чем пытаться делать какие-либо оценки по региональным потребительским рынкам, важно оценить потенциальное изменение доходов и расходов населения во всех субъектах Федерации в результате перераспределения первичных доходов¹.

Определенная сложность реализации такого рода расчета состоит в том, что доходные группы по регионам автоматически не собираются в доходные группы по стране. Так, например, в 5-ю доходную группу по стране (первая строка таблицы 1) может попасть значительная часть 4-й группы Москвы, а значительная часть 5-й доходной группы Тывы или Калмыкии может оказаться только в 3-й доходной группе по стране.

Таким образом, задача состоит в том, чтобы по возможности корректно в рамках структуры распределения доходов по группам, сложившейся в регионах, оценить масштабы потенциального перераспределения доходов в экономике Российской Федерации.

Технически этот расчет был реализован следующим образом.

Общий объем дополнительных доходов, являющихся источником перераспределения, оценивался на основе экзогенно задаваемого

¹ Для расчета использовалась региональная статистика Росстата в части распределения общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения за ряд лет, среднедушевых денежных доходах населения, данные о среднегодовой численности населения, валовом региональном продукте, а также индексе физического объема ВРП и другие региональные данные за ряд лет.

приращения ставки НДФЛ на 12 п. п. (до 25 %) и величины доходов 5-й доходной группы РФ.

Соответственно, в тех доходных группах субъектов Федерации, где среднедушевые доходы оказались не ниже, чем в 5-й группе по РФ, располагаемые доходы уменьшались в соответствии с увеличением ставки НДФЛ.

Одновременно все те доходные группы регионов, которые имеют душевой доход ниже среднего дохода 4-й группы по Российской Федерации, становятся реципиентами процедуры перераспределения доходов.

Наиболее сложный случай с теми доходными группами регионов, чьи среднедушевые доходы оказываются в интервале между среднедушевыми доходами 4-й и 5-й групп РФ. Это те группы, в которых часть населения облагается повышенным подоходным налогом, а другая часть получает перераспределительную надбавку. Пропорции распределения доходов в этих группах между двумя частями населения определяются мерой близости средней для данной доходной группы региона к значению средней для 5-й доходной группы РФ.

Результат изменения среднемесячных доходов по трем регионам — представителям (с нижним, средним и верхним уровнем доходов) федеральных округов представлен в таблице 2.

В качестве графической иллюстрации характера и масштаба изменений распределения доходов по доходным группам ниже представлены соответствующие графики по двум субъектам Федерации — г. Москва и Республика Тыва (рис. 3).

Москва как один из регионов с наиболее обеспеченным населением в рамках рассматриваемого сценария перераспределения доходов, демонстрирует сокращение доходов населения в трех верхних доходных группах. Тем не менее достаточно большая дифференциация доходов в Москве приводит к тому, что значительная часть населения столицы может в рамках предложенной схемы перераспределения претендовать на дополнительный выравнивающий доход.

Что касается Республики Тыва, то в этом регионе, относящемся к наименее обеспеченным регионам страны, на дополнительные доходы претендуют представители всех доходных групп.

Из сопоставления данных таблиц 1 и 2 следует, что чем меньше исходный среднемесячный доход, тем большим является относительное приращение общего суммарного дохода для данной группы. В этом, собственно, и про-

Таблица 2

Изменение денежных доходов по доходным группам в регионах — представителях федеральных округов
(регионы с нижним, средним и верхним уровнем доходов)

Table 2

Income changes for quintile groups in the regions presenting federal districts
(lower, middle and upper income regions)

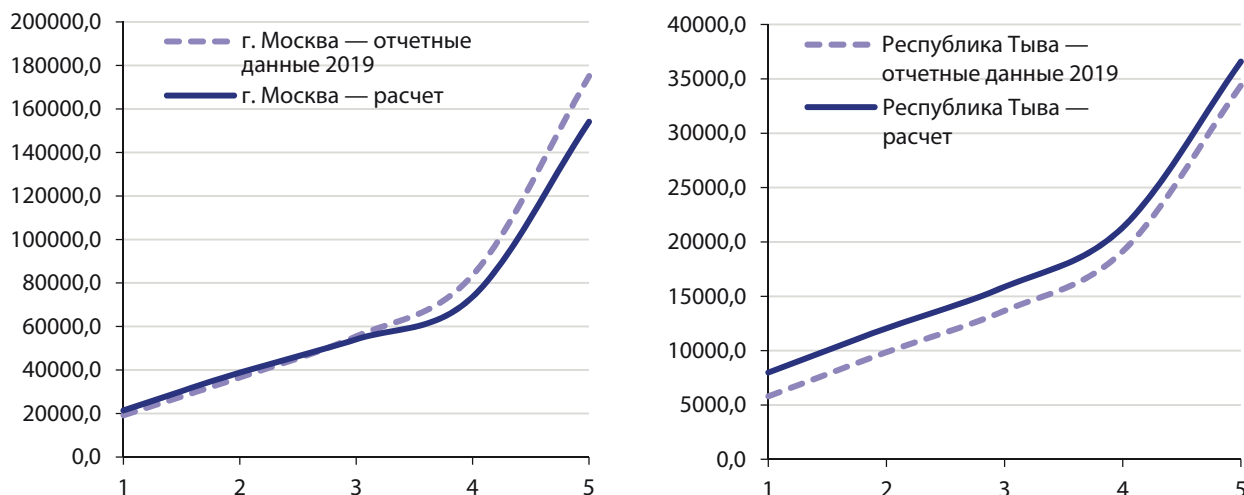
Регион	Изменение доходов в результате перераспределения по группам, %				
	первая	вторая	третья	четвертая	пятая
<i>Центральный федеральный округ</i>					
Костромская область	124,3	114,4	110,3	107,5	99,1
Московская область	116,0	108,8	106,0	98,2	88,0
г. Москва	111,3	106,0	97,4	88,0	88,0
<i>Северо-Западный федеральный округ</i>					
Ненецкий автономный округ	111,2	105,7	96,0	88,0	88,0
Псковская область	125,2	114,7	110,4	107,4	98,2
г. Санкт-Петербург	117,1	109,1	106,1	98,4	88,0
<i>Южный федеральный округ</i>					
Республика Калмыкия	132,8	119,7	114,1	110,2	105,8
Краснодарский край	121,9	111,8	108,0	105,1	86,4
Астраханская область	126,5	115,3	110,8	107,6	98,4
<i>Северо-Кавказский федеральный округ</i>					
Республика Дагестан	128,0	115,2	110,3	107,0	94,4
Карачаево-Черкесская Республика	133,1	119,5	114,1	110,0	105,6
Ставропольский край	128,4	116,1	111,3	107,8	98,4
<i>Приволжский федеральный округ</i>					
Республика Мордовия	132,0	118,7	113,4	109,6	104,7
Республика Татарстан	121,5	111,8	107,9	105,1	86,5
Самарская область	124,3	113,6	109,4	106,5	93,2
<i>Уральский федеральный округ</i>					
Курганская область	130,1	117,7	112,5	108,9	102,6
Свердловская область	120,3	111,0	107,3	102,9	88,0
Ямало-Ненецкий автономный округ	111,0	105,6	95,5	88,0	88,0
<i>Сибирский федеральный округ</i>					
Республика Тыва	137,6	122,1	116,0	111,4	106,3
Красноярский край	123,7	113,0	108,8	106,0	90,5
Кемеровская область	125,8	115,0	110,7	107,6	98,9
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>					
Хабаровский край	117,6	109,8	106,7	101,3	88,0
Сахалинская область	114,2	107,5	103,2	92,7	88,0
Еврейская автономная область	123,1	113,7	109,9	107,1	97,8

Источник: расчеты авторов.

является использование принципов безусловного базового дохода в предлагаемой схеме перераспределения в некотором смысле «излишних» доходов наиболее обеспеченной части населения (пятой общероссийской доходной группы) в пользу представителей первых четырех доходных групп. В силу того, что каждый представитель первых четырех групп получает абсолютно одинаковый дополнительный доход, большее относительное приращение дохода наблюдается для групп, имеющих меньший исходный доход.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что предлагаемая схема носит достаточно общий ха-

актер и имеет своей главной целью получение предварительных количественных оценок макроэкономических и региональных последствий введения в том или ином виде прогрессивной шкалы налогообложения и соответствующего перераспределения доходов населения. Решения по повышению ставки подоходного налога должны сопровождаться разработкой детальных механизмов доставки средств до той части населения, которая нуждается в увеличении объемов социальной поддержки. Кроме того, рост ставки подоходного налога для более обеспеченных слоев населения должен сопровождаться мерами стимули-

Рис. 3. Перераспределение доходов по доходным группам в г. Москва и Республике Тыва (источник: расчеты авторов).
Fig. 3. Redistribution of income by income quintile groups in Moscow and the Republic of Tuva

рования спроса, через широкую систему налоговых вычетов.

Для того, чтобы завершить часть счета, с проекцией перераспределения доходов на изменение конечного спроса домашних хозяйств и динамику ВРП, необходимо, в первую очередь, принять гипотезу относительно того, как изменение доходов трансформируется в спрос домашних хозяйств. Полагаем, что в целом можно принять два следующих ключевых предположения:

— дополнительные доходы первых четырех доходных групп населения Российской Федерации полностью трансформируются в дополнительный потребительский спрос;

— снижение располагаемых доходов (в результате повышения подоходного налога на 12 п. п.) представителей пятой доходной группы Российской Федерации не приводит к какому-либо снижению потребительского спроса, сокращаются только сбережения наиболее обеспеченной части населения.

В рамках принятых предположений естественно ожидать увеличения общего потребительского спроса населения (расходов на конечное потребление) и, соответственно, роста ВВП (ВРП), одним из элементов расчета которого в рамках концепции Системы национальных счетов является потребление домашних хозяйств. При этом ключевой структурный параметр в такого рода расчетах — это доля расходов населения в ВРП. Полагаем, что уместно в данном случае принять это соотношение на уровне последнего отчетного года.

Результаты

С учетом принятых предположений и по результатам соответствующих расчетов были по-

лучены оценки роста ВРП по федеральным округам и Российской Федерации (табл. 3). Так же, как и в в двух предыдущих таблицах, в итоговой таблице представлены результаты по субъектам — представителям федеральных округов.

Полученный в целом по экономике результат — увеличение суммарного по стране ВВП на 2,7 %, сопоставим с оценкой, полученной на основе макроэкономических расчетов — 2,2 % (Посткризисное восстановление..., 2020). Различие обусловлено, главным образом, влиянием импорта в рамках макроэкономического счета, учесть влияние которого в региональном счете в силу статистических ограничений практически невозможно.

Имея в виду неучтенное в последнем расчете влияние импорта, представленные в таблице 3 оценки потенциального приращения ВРП естественно рассматривать как оценки верхней границы возможных приращений валового регионального продукта.

Введение прогрессивного налогообложения доходов, помимо дополнительного роста региональной экономики, может также существенно снизить уровень межрегиональной дифференциации по доходам и уровню экономического развития. По результатам проведенных расчетов соотношение максимального и минимального уровня душевого дохода в 2019 г. снижается с 5 до 4 раз, аналогичное соотношение для верхней и нижней групп регионов (11/12) уменьшится с 3,1 до 2,6 раз.

Соотношение душевого ВРП снизится (без учета межрегиональной дифференциации цен) с 61,8 раза до 56,7 раза (максимальный/минимальный уровень) и с 9,3 раза до 8,7 раза (для групп регионов 11/12).

Таблица 3

Оценка роста потребительских расходов и динамики ВРП

Table 3

Assessment of consumer spending growth and GRP dynamics

Регион	Динамика расходов населения, %	Доля расходов населения в ВРП, %	Динамика ВРП, %
Российская Федерация	105,2	51,6	102,7
Центральный федеральный округ	103,5	53,1	101,8
Костромская область	108,1	74,6	106,1
Московская область	103,4	70,8	102,4
г. Москва	101,6	40,6	100,6
Северо-Западный федеральный округ	104,7	46,3	102,2
Ненецкий автономный округ	101,4	4,5	100,1
Псковская область	108,0	81,0	106,5
г. Санкт-Петербург	103,4	46,3	101,6
Южный федеральный округ	106,4	76,0	104,9
Республика Калмыкия	111,8	47,6	105,6
Краснодарский край	104,9	80,6	103,9
Астраханская область	108,2	40,4	103,3
Северо-Кавказский федеральный округ	108,4	105,6	108,8
Республика Дагестан	107,1	121,4	108,7
Карачаево-Черкесская Республика	111,6	73,7	108,5
Ставропольский край	108,4	94,8	108,0
Приволжский федеральный округ	106,9	58,6	104,0
Республика Мордовия	111,0	54,1	105,9
Республика Татарстан	104,9	50,5	102,5
Самарская область	106,5	56,6	103,7
Уральский федеральный округ	104,9	30,7	101,5
Курганская область	110,0	71,6	107,2
Свердловская область	104,3	67,5	102,9
Ямало-Ненецкий автономный округ	101,3	6,8	100,1
Сибирский федеральный округ	107,3	44,5	103,2
Республика Тыва	113,2	46,5	106,1
Красноярский край	105,9	31,4	101,8
Кемеровская область	108,3	40,7	103,4
Дальневосточный федеральный округ	104,6	49,2	102,3
Хабаровский край	104,0	68,4	102,8
Сахалинская область	102,4	17,8	100,4
Еврейская автономная область	107,6	62,1	104,7

Источник: расчеты авторов.

Заклучение

Неравенство по доходам на уровне страны в целом и регионов в частности в настоящее время является одним из ключевых ограничений для развития российской экономики и экономики регионов. Уровень разрыва по величине доходов домашних хозяйств настолько высок, что требуется реализация комплекса системных мер, направленных на перераспределение первичных доходов населения, в рамках реализации концепции гарантированного базового дохода и использование потенциала роста спроса населения.

Одним из обсуждаемых механизмов перераспределения доходов может выступать из-

менение ставок подоходного налога. В связи с этим необходимо понимать масштаб макроэкономических эффектов, которые он может вызвать. Приведенные в статье расчеты демонстрируют общий положительный вклад этой меры в экономическую динамику, доходы и спрос населения на уровне страны и отдельных регионов.

Следует отметить, что в рамках рассматриваемой системы расчетов положительный импульс для экономической динамики формируется по двум направлениям: через сокращение уровня дифференциации по доходам населения и через сокращение межрегиональной дифференциации доходов.

Решения о введении дополнительных инструментов перераспределения доходов, в том числе изменение шкалы подоходного налога, предполагают их всестороннюю оценку. Приведенные в данном исследовании расчеты показывают, что в связи с положительным вли-

нием на ВВП, измеряемым процентами, было бы целесообразно продолжить исследования по данной тематике с учетом действия вторичного перераспределения на структуру потребления домашних хозяйств и развитие ситуации на товарных рынках.

Список источников

- Басарева В. Г., Михеева Н. Н. Сибирский федеральный округ. Что мешает экономическому росту // Регион. Экономика и социология. 2017. № 2 (94). С. 104–125.
- Земцов С. П., Смелов Ю. А. Факторы регионального развития в России. География, человеческий капитал или политика регионов // Журнал Новой Экономической Ассоциации. 2018. № 4 (40). С. 84–108.
- Зубаревич Н. В. Регионы России. Неравенство, кризис, модернизация. Москва : Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
- Иванов В. Н., Суворов А. В. Задачи снижения уровня бедности населения и стимулирования потребительского спроса в российской экономике // Проблемы прогнозирования. 2012. № 4 (133). С. 100–117.
- Капелюшников Р. И. Экономическое неравенство — вселенское зло? // Вопросы экономики. 2019. № 4. С. 91–106.
- Лисоволик Я. Неравенство как «новая нормальность» // Banki.ru 23.06.2016. URL: <https://www.banki.ru/news/columnists/?id=9021379> (дата обращения: 16.11.2021).
- Любимов И. Взгляд на эволюцию неравенства доходов. Пикетти против Кузнеца — 60 лет спустя // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 1. С. 27–42.
- Меркулова Т. В. Экономический рост и неравенство. Институциональный аспект и эмпирический анализ // Экономическая теория. 2009. Т. 6, № 1. С. 81–91.
- Михеева Н. Н. Приоритеты регионального развития как фактор экономического роста // Научные труды. Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. Москва : МАКС Пресс, 2018. 608 с. С. 32–55.
- Михеева Н. Н. Пространственные аспекты разработки экономических прогнозов. Научный доклад. Москва : Артик Принт, 2021. 120 с.
- Посткризисное восстановление экономики и основные направления прогноза социально-экономического развития России на период до 2035 г. // под ред. чл.-корр. РАН А. А. Широга. Москва : Наука, 2020. 152 с.
- Социальная политика в России. Проблемы и решения // под ред. члена-корреспондента РАН А. А. Широга. Москва : Артик Принт, 2021. 112 с.
- Суворов А. В. Проблемы оценки дифференциации доходов населения в современной России // Проблемы прогнозирования. 2008. № 2 (107). С. 3–19.
- Направления социальной политики, обеспечивающей восстановление экономического роста в России / А. В. Суворов, О. Н. Болдов, В. Н. Иванов и др. // Проблемы прогнозирования. 2020. № 4 (181). С. 3–15.
- Экономико-географические и институциональные аспекты экономического роста в регионах / О. Луговой, В. Дашкеев, И. Мазаев и др.; Консорциум по вопр. приклад. экон. исслед., Канадское агентство по международному развитию [и др.]. Москва : ИЭПП, 2007. 164 с.
- Ahluwalia M. S., Carter N., Chenery H. (1979). Growth and poverty in developing countries // Journal of Development Economics. 1976. Vol. 6, No. 3. P. 299–341.
- Barro R. J. Inequality and growth in a panel of countries // Journal of Economic Growth. 2000. Vol. 5, No. 1. P. 5–32.
- Bigsten A., Levin J. Growth, Income Distribution, and Poverty: A Review // WIDER Discussion Paper 129. World Institute for Development Economics research (WIDER). Helsinki, 2001. 25 p.
- Lustig, N., Rigolini J., Arias O. Poverty Reduction and Economic Growth: A Two-Way Causality // Sustainable Development Department Technical Papers Series 111. Washington, D.C. : Inter-American Development Bank, 2002. 26 p.
- Kuznets S. Economic growth and income inequality // American Economic Review. 1995. Vol. 45, No. 1. P. 1–28.
- Piketty T. Capital in the 21st century. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2014. 696 p.
- Rajan R., Zingales L. Saving Capitalism from the Capitalists. Princeton : Princeton University Press, 2004. 392 p.
- Ravallion M., Lyn S., Michael B. Equity and Growth in Developing Countries: Old and New Perspectives on the Policy Issues // Policy Research Working Paper 1563. Washington, D.C. : World Bank, 1996. 30 p.
- Reshaping Economic Geography / S. Coulbaly, U. Deichmann, M-E. Freire, et al. eds.. Washington, DC : World Bank, 2009. 383 p.
- Savvides A., Stengos T. Income inequality and economic development: evidence from the threshold regression model // Economics Letters. 2000. Vol. 69, No. 2. P. 207–212.

References

- Ahluwalia, M. S., Carter, N. & Chenery, H. (1979). Growth and poverty in developing countries. *Journal of Development Economics*, 6(3), 299–341.
- Barro, R. J. (2000). Inequality and growth in a panel of countries. *Journal of Economic Growth*, 5(12), 5–32.

- Basareva, V. G. & Mikheeva, N. N. (2017). Siberian Federal District: what prevents economic growth. Region. *Ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology]*, 2(94), 104–125. (In Russ.)
- Bigsten, A. & Levin, J. (2001). *Growth, Income Distribution, and Poverty: A Review*. WIDER Discussion Paper 129. Helsinki: World Institute for Development Economics research (WIDER), 25.
- Coulibaly, S., Deichmann, U. K., Freire, M. E. et al. (Eds.). (2009). *Reshaping Economic Geography*. Washington, DC: World Bank, 383.
- Ivanov, V. N. & Suvorov, A. V. (2012). How to decrease the national poverty rate and encourage consumer demand in Russia. *Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]*, 4(133), 100–117. (In Russ.)
- Kapeliushnikov, R. I. (2019). Is economic inequality a universal evil? *Voprosy ekonomiki*, 4, 91–106. (In Russ.)
- Kuznets, S. (1995). Economic growth and income inequality. *American Economic Review*, 45(1), 1–28.
- Lisovolik, Ya. (23.06.2016). Neravenstvo kak «novaya normalnost». *Banki.ru*. Retrieved from: <https://www.banki.ru/news/columnists/?id=9021379> (Date of access: 16.11.2021). (In Russ.)
- Lugovoy, O., Dashkeyev, V., Mazayev, I., Fomchenko, D., Polyakov, E. & Hecht, A. (2007). *Analysis of economic growth in regions: geographical and institutional aspect*. Moscow: IEPP, 164. (In Russ.)
- Lustig, N., Rigolini, J. & Arias, O. (2002). *Poverty Reduction and Economic Growth: A Two-Way Causality*. Sustainable Development Department Technical Papers Series 111. Washington, D.C.: Inter-American Development Bank, 26.
- Lyubimov, I. (2016). Income Inequality Revisited 60 Years Later: Piketty vs Kuznets. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, 11(1), 27–42. (In Russ.)
- Merkulova, T. V. (2009). Economic growth and inequality. Institutional aspect and empirical analysis. *Ekonomicheskaya teoriya*, 6(1), 81–91. (In Russ.)
- Mikheeva, N. N. (2018). Priorities of regional development as a factor of economic growth. *Nauchnye trudy. Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN [Scientific Articles — Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences]*, 16, 32–55. (In Russ.)
- Mikheeva, N. N. (2021). *Spatial aspects of the development of economic forecasts*. Moscow: Artik Print, 120. (In Russ.)
- Piketty, T. (2014). *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 696.
- Rajan, R. & Zingales, L. (2004). *Saving Capitalism from the Capitalists*. Princeton: Princeton University Press, 392.
- Ravallion, M., Lyn, S. & Michael, B. (1996). *Equity and Growth in Developing Countries: Old and New Perspectives on the Policy Issues*. Policy Research Working Paper 1563. Washington, D.C.: World Bank, 30.
- Savvides, A. & Stengos, T. (2000). Income inequality and economic development: evidence from the threshold regression model. *Economics Letters*, 69(2), 207–212.
- Shirov, A. A. (Ed.). (2011). *Sotsialnaya politika v Rossii. Problemy i resheniya [Social policy in Russia. Problems and solutions]*. Moscow: Artik Print, 112. (In Russ.)
- Shirov, A. A. (Ed.). (2020). *Post-crisis economic recovery and the main directions of the socio-economic development forecast of Russia for the period up to 2035*. Moscow: Nauka, 152. (In Russ.)
- Suvorov, A. V. (2008). Problems in estimating income differences in contemporary Russia. *Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]*, 2(107), 3–19. (In Russ.)
- Suvorov, A. V., Boldov, O. N., Ivanov, V. N., Sukhorukova, G. M. & Budanova, A. I. (2020). Social Policy Directions Ensuring Revival of Economic Growth in Russia. *Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]*, 4(181), 3–15. (In Russ.)
- Zemtsov, S. P. & Smelov, Yu. A. (2018). Factors of regional development in Russia: geography, human capital and regional policies. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii [The Journal of the New Economic Association]*, 4(40), 84–108. (In Russ.)
- Zubarevich, N. V. (2010). *Regiony Rossii. Neravenstvo, krizis, modernizatsiya [Russian regions: inequality, crisis, modernization]*. Moscow: Independent Institute for Social Policy, 160. (In Russ.)

Информация об авторах

Шилов Александр Александрович — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН; Scopus Author ID: 16234922500; <https://orcid.org/0000-0003-0806-9777> (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-кт, 47; e-mail: schirov-mse@yandex.ru).

Узяков Марат Наильевич — доктор экономических наук, профессор, зам. директора, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН; Scopus Author ID: 15019919900; <https://orcid.org/0000-0003-3452-7188> (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-кт, 47; e-mail: uzyakov@inbox.ru).

Узякова Елена Сергеевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН; Scopus Author ID: 54397575700; <https://orcid.org/0000-0003-3773-9725> (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-кт, 47; e-mail: mironova_helen@mail.ru).

About the authors

Alexander A. Shirov — Corresponding Member of RAS, Dr. Sci. (Econ.), Director, Institute of Economic Forecasting of RAS; Scopus Author ID: 16234922500; <https://orcid.org/0000-0003-0806-9777> (47, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: schirov-mse@yandex.ru).

Marat N. Uzyakov — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Deputy Director, Institute of Economic Forecasting of RAS; Scopus Author ID: 15019919900; <https://orcid.org/0000-0003-3452-7188> (47, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: uzyakov@inbox.ru).

Elena S. Uzyakova — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Institute of Economic Forecasting of RAS; Scopus Author ID: 54397575700; <https://orcid.org/0000-0003-3773-9725> (47, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: mironova_helen@mail.ru).

Дата поступления рукописи: 02.09.2021.

Прошла рецензирование: 12.11.2021.

Принято решение о публикации: 07.04.2022.

Received: 02 Sep 2021.

Reviewed: 12 Nov 2021.

Accepted: 07 Apr 2022.